Евгений ***РОСТОВЦЕВ***

РОССИЙСКИЕ МАНДАРИНЫ

Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века

Понятие «мандарины» по отношению к интеллектуальной элите впервые ввёл немецкий учёный Фриц Рингер в своей знаменитой книге «Закат немецких мандаринов» (1969)[1]. Сам термин, по его мнению, должен был напоминать о китайской элите образованных чиновников. «Мандарины» Рингера — социально-культурная элита, которая обладает властью и высоким статусом в обществе благодаря образованию и знаниям, а не по праву происхождения или богатства. Университетская элита, в свою очередь, является привилегированной кастой мандаринов, определяющей их «образовательный рацион» и социальную стратегию. Мандарины Рингера — исторический тип, возникающий на определённом этапе социально-экономического и политического развития — в эпоху, когда старая аристократическая элита уже не может одна быть опорой монарха, а акторы новой индустриальной эпохи (политические партии, богатые предприниматели, менеджеры и технократы, промышленные рабочие и пр.) ещё недостаточно сильны, чтобы с успехом претендовать на власть, попросту игнорируя «претензии» культурной элиты. Работа Рингера вызвала широкий резонанс, споры, порой весьма резкую критику. Однако термин, введённый немецким историком, получил долгую жизнь, в том числе и применительно к исследованиям по антропологии российской науки второй половины XIX — начала XX века[2].

Для понимания организации «мира петербургских мандаринов» прежде всего необходимо охарактеризовать институциональные особенности его устройства, связанные с положениями университетского устава 1884 года. Основной структурной единицей преподавательской корпорации был факультет. Кафедры не только не имели формальных заседаний и не принимали никаких решений, но и не имели даже формального главы, поскольку в некоторых случаях одну кафедру в полном соответствии с буквой университетского устава замещали два или более равных по статусу профессора. Правда, в абсолютном большинстве случаев профессор на кафедре был один, и именно он

С. А. Венгеров, историк русской литературы, профессор Петербургского университета.
1913 г.

на практике и принимал все важные решения, связанные с её работой. Профессора (как штатные, так и внештатные — выслужившие профессорскую пенсию и передавшие кафедру преемнику) составляли Университетский (профессорский) совет, во главе которого стоял назначенный министерством (а с 1905 года — избранный) ректор из числа университетских профессоров. Состав петербургских «мандаринов», таким образом, был нормативно ограничен и в период с 1884 по 1917 год колебался в пределах 70–80 человек (из 40–50 штатных профессоров). Среди членов коллегии столичного университета этого периода были выдающиеся представители европейской и российской науки — Д. И. Менделеев, А. Н. Бекетов, И. М. Сеченов, В. Г. Васильевский, Е. Ф. Замысловский, В. И. Сергеевич, А. И. Введенский, М. М. Ковалевский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, М. И. Ростовцев, Ф. Ф. Зелинский, Н. И. Кареев и многие другие.

Между тем рост преподавательской корпорации (в 1889 году — 164, в 1913-м — уже 338 человек) осуществлялся за счёт «младших преподавателей», главным образом приват-доцентов, и был обусловлен прежде всего значительным ростом учебной нагрузки: количество студентов с конца XIX века стремительно росло. Так, если в 1889 году на одного университетского штатного профессора в среднем приходилось 35 студентов, то в 1913-м — уже 194. В условиях предметной системы, введённой в 1906 году, когда студент был обязан прослушать определённое количество часов и курсов в год, приват-доценты не только «разгружали» профессоров, но и обеспечивали основной объём аудиторных занятий.

Пропуском в преподавательскую корпорацию был успех на научном диспуте, при этом неслучайно, что сами диспуты часто превращались в настоящие общественные явления, зачастую собирая полный актовый зал. О диспутах по гуманитарным и социальным дисциплинам обычно делали подробные репортажи в газетах. Допуск в мир «избранных» означал не только обретение формальных привилегий, но и возможность посещения многочисленных неформальных профессорских салонов — историка и социолога М. М. Ковалевского, историка-медиевиста И. М. Гревса, антиковеда Э. Д. Гримма, литературоведа С. А. Адрианова и других членов корпорации. Яркие картины этих вечеров рисует мемуаристика. Разговоры там велись предельно откровенные. Например, И. В. Егоров, в советские годы видный общественный и политический деятель, учёный, а в 1900 — начале 1910-х годов студент историко-филологического факультета, присутствовавший на одном из таких вечеров у Адрианова в качестве его секретаря, вспоминал как ректор Э. Д. Гримм, «под влиянием винных паров, стал на чём свет стоит поносить Николая II», заявив, что «ждёт не дождётся», когда императора «задушат Преображенские солдаты»[3]. Бывали случаи, когда такие «корпоративные собрания» были обязательны, например после магистерского или докторского диспута: диссертант по традиции организовывал обед, на который приглашались декан, оппоненты и близкие ему люди. Такой обед, как правило, проводился в ресторане, но иногда и на квартире диспутанта. Одним

из облюбованных профессорами был ресторан Кинча на углу Большого проспекта и 1-й линии Васильевского острова. По воспоминаниям В. В. Вересаева, «туда часто заходили по вечерам профессора университета поужинать, выпить бутылку вина или пива», иногда там проходили и «застольные» беседы профессора со своими учениками[4]. Другое место «отдыха» профессоров — знаменитые рестораны «Донон» и «Бродячая собака».

Допуск в академическую корпорацию был непростым, но зато, оказавшись в её рядах, человек приобретал определённый пожизненный социальный статус.

Материальное положение преподавательской корпорации было разнородным. Постоянное гарантированное фиксированное жалование получали только штатные сотрудники университета, которых по расписанию 1884 года в столичном университете было не более 86 человек (при 96 штатных должностях, включая служительские), из них 66 штатных преподавателей (ординарные профессора) получали 3000 рублей в год, экстраординарные — 2000 рублей, лекторы иностранных и восточных языков — по 1000 рублей. Впрочем, десять представителей из числа профессуры одновременно замещали одну из дополнительных административных должностей (ректор, проректор, декан, секретарь факультета), что давало дополнительно от 1500 до 3000 рублей в год. При этом профессора имели возможность дополнительного приработка в самых разных сферах — учебных и научных заведениях, издательских и общественных предприятиях.

Преимущества статуса профессора-«мандарина» ярко обрисовал в 1887 году византинист В. Г. Васильевский, не решавшийся покинуть этот пост, несмотря на оплачиваемую должность в Министерстве народного просвещения (МНП): «Хорошо было бы [иметь] больше досугу и предаться своим учёным недозаконченным и только предположенным занятиям, но, пожалуй, и в этом отношении будет невыгодно порвать с университетом; потому что не будешь иметь под рукою университетской библиотеки и возможности выписывать и покупать, что нужно… Затем следуют соображения о материальных интересах. На первый раз кажется, что больших потерь от отставки нет, но не есть ли место в университете самое прочное, и не сопряжены ли с большим риском всякие другие расчёты на «заработку» литературными трудами, на прочность положения в Учёном комитете [МНП]?»[5]

Между тем проникновение в ряды преподавательской корпорации университета гарантировало обретение довольно высокого социального статуса, однако отнюдь не означало обретения достаточного материального благополучия. Размер заработка университетского преподавателя зависел от многих факторов: его статуса в университетской иерархии, популярности его лекций среди студентов, количества последних на том или ином факультете, программы факультетского преподавания (соотношения числа обязательных и необязательных курсов, количества недельных часов, необходимых студентам для зачёта полугодия, и т. п.). Если штатные профессора и лекторы университета получали законодательно зафиксированное вознаграждение (жалование и «квартирные»), то оплата лекций и занятий сверхштатных и внештатных профессоров и приват-доцентов, не включённых в штатное расписание, определялась факультетами и утверждалась Советом университета. В результате, имея зачастую учебную нагрузку значительно больше профессорской, приват-доцент получал от своей работы весьма небольшой доход, в особенности на малолюдных факультетах, где преподавательский «гонорар» был ничтожным. По воспоминаниям И. Ю. Крачковского, впоследствии академика, а в начале века приват-доцента факультета восточных языков, «приват-доцентура далеко не обеспечивала даже скромных потребностей семейного человека»[6]. Именно поэтому многие приват-доценты вынуждены были одновременно с работой в университете вести занятия в других высших и средних учебных заведениях столицы или давать частные уроки. Переход из приват-доцентов в разряд мандаринов зачастую носил драматичный характер. В качестве примера можно привести историю с назначением в 1890 году С. Ф. Платонова на должность профессора русской истории. Жена историка — Надежда Николаевна — неустанно фиксировала все перипетии, связанные с этим событием в своём дневнике. Приведём лишь небольшой отрывок, связанный с её возмущением престарелым Е. Ф. Замысловским, который никак не хотел оставлять место профессора:

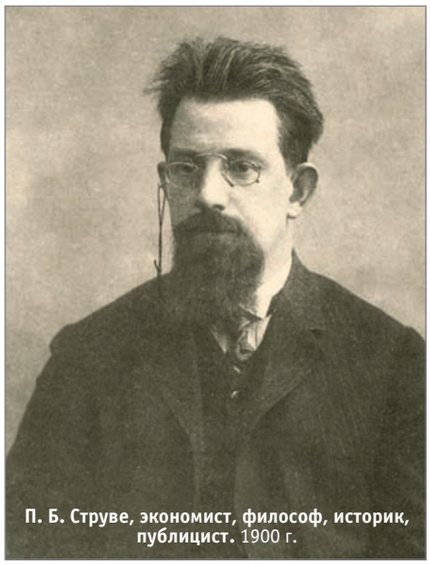
«[Замысловский] не думает об отставке и берёт на себя магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах; общего курса он никогда читать не будет: зачем брать на себя такое тяжёлое бремя (его собственные слова). Это бремя всецело ляжет на С[ергея] Ф[ёдоровича], который понесёт на себе, таким образом, главную тяжесть профессорских обязанностей и за это получит 800 р. в год, гонорар и звание приват-доцента, а Зам[ысловск]ий за магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах, т. е. за легчайшую и лаковую сторону работы, будет носить звание профессора и получать 3000 р. В наших глазах это чистейшая эксплуатация чужого труда. Таким образом в университете у С[ергея] Ф[ёдоровича] штатного места не будет, следовательно, лицей — единственное штатное место его, а при таких условиях Серёже просто жутко уйти оттуда: это значило бы остаться без должности»[7].

Неудивительно, что при таком положении дел в большинстве российских университетов разделение преподавателей на «два сорта» породило в начале XX века почти открытое противостояние между «старшими» и «младшими». Особую силу оно имело в Московском университете, Совет которого, несмотря на требования младших преподавателей, решительно отказался от предоставления им права решающего голоса в университетской корпорации[8]. В Петербургском университете противоречия между «старшими» и «младшими» были не столь сильны, вероятно, потому, что состав «приват-доцентской» корпорации здесь был слишком представителен. В неё входили историки А. С. Лаппо-Данилевский, М. Д. Присёлков, М. А. Дьяконов, В. Н. Бенешевич, Е. В. Тарле, историк и экономист М. И. Туган-Барановский, филологи Д. К. Петров, В. И. Истрин, С. А. Венгеров, К. Г. Залеман, философы Н. О. Лосский, И. А. Лапшин, петрограф Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, зоолог Н. В. Насонов, математик А. В. Васильев и другие известные учёные. Многие из них имели учёную степень доктора (у ряда профессоров она отсутствовала), многие были действительными членами высшего учёного учреждения страны — Академии наук, поэтому отношение к ним как к «младшим товарищам» для Профессорского совета было во всех смыслах затруднительным. С другой стороны, у таких «младших преподавателей», часто в карьерном отношении состоявшихся и достойно материально обеспеченных, не было необходимости для конфронтации со «старшими». Неудивительно, что после бурных дискуссий столичные профессора в 1905 году поддержали идею участия «младших преподавателей» в Университетском совете, впрочем, ввиду непринятия этой идеи другими профессорскими коллегиями и непринятием нового устава университетов она реальных последствий не имела.

У корпорации было чёткое и вполне однозначное видение той цели, ради которой существовал университет. Как заявлял последний дореволюционный ректор Гримм, *цель университета в том, чтобы «осуществлять своё высокое научное назначение, не отдавая дани ни за-*

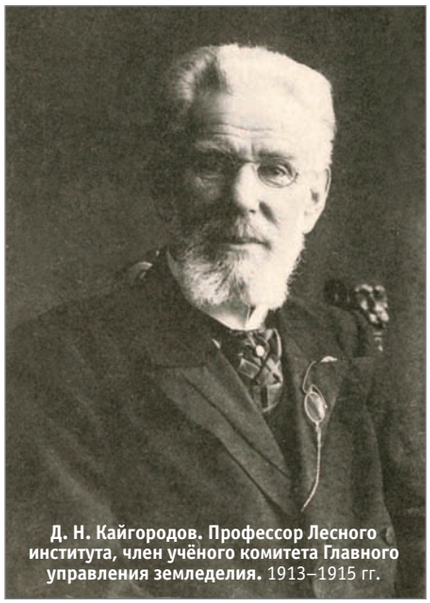
даче образования разных категорий служилых людей, ни каким бы то ни было не научным целям»[9]. Реализации этой цели была посвящена так называемая «борьба за автономию», которая занимала центральное место в профессиональной жизни «мандаринов».

Напомним, какой была *формальная* и *фактическая* автономия Петербургского — столичного — университета в конце XIX — начале XX века. С *формально-юридической точки зрения,* автономия столичного университета, как и других университетов империи, носила весьма ограниченный характер. Внутри корпорации главным органом принятия решений являлся Профессорский совет, обладавший правом свободного выбора членов университетской корпорации (ректора, проректора, декана, профессора, приват-доцента), Министерство народного просвещения было вправе не утвердить выбор университета, назначить по своему усмотрению лицо на любую университетскую магистратуру. Все изменения в составе университетских кафедр также утверждались министерством, им же формировались государственные экзаменационные комиссии, регламентировались правила поведения для студентов и вольнослушателей, утверждались учебные планы, количество и время экзаменов, определялись размер платы за обучение, объём и порядок финансирования университетов и т. п. Все сношения с министерством университетские корпорации были обязаны осуществлять через попечителя соответствующего учебного округа. Нельзя, однако, сказать, что подобная ситуация отвечала настроениям и идейным устремлениям университетской элиты. Университеты виделись подавляющему её большинству скорее как общественные, чем как государственные, организации. В то же время *фактическая* автономия университетов была несравненно больше формальной. Утверждение вышестоящими структурами всех основных решений факультетских профессорских советов, связанных с внутрифакультетской жизнью, а Университетского совета — с общеуниверситетскими вопросами в большинстве случаев носило формальный характер. Любое вмешательство министерства, несмотря на его формально-юридическую обоснованность, в то, что профессура считала своей неразделённой компетенцией, встречало предельно жёсткий отпор преподавательской корпорации, хотя на практике это случалось нечасто. Например, с 1884 по 1911 год министр лишь единожды использовал право назначения профессоров.



П. Б. Струве, экономист, философ, историк, публицист. 1900 г.

Н. П. Лихачёв. Историк, профессор Археологического института, помощник директора Императорской публичной библиотеки. 1913 г.



Д. Н. Кайгородов. Профессор Лесного института, член учёного комитета Главного управления земледелия. 1913–1915 гг.

В чём же заключалась причина постоянного противостояния «мандаринов» и власти? Прежде всего в давней либеральной традиции русского университетского образования. Проблема университетской автономии имела в русском обществе значение, далеко выходящее за рамки высшей школы, а само понятие автономии университета в России было неразрывно связано с русским освободительным движением. В начале XX века профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, по существу, являлся одним из основных ресурсов оппозиционной самодержавию кадетской партии[10]. В этой ситуации предоставление университетам требуемой ими юридической автономии, с точки зрения власти, означало бы передачу системы высших учебных заведений под полный контроль оппозиции. В результате новый университетский устав так и не был принят, а существовавшие противоречия между фактической и юридической, желаемой и данной автономией постоянно ставили университетскую элиту в положение оппозиции власти.

Следует учитывать, что в отношениях власти и преподавательской корпорации всегда присутствовало ещё одно активное действующее лицо — студенчество. Как известно, студенчество столичного университета, равно как и большинства высших учебных заведений страны, с начала XX века находилось в значительной степени под контролем радикальных (социалистических) политических сил — большевиков и левых эсеров, что превращало студенческое политическое движение второй половины 1900-х — начала 1910-х годов в движение революционное. Преподавательской корпорации в этих условиях приходилось отстаивать свои интересы, лавируя между властью и оппозиционным студенчеством. В этой связи небезынтересно рассмотреть стратегию профессорской коллегии в эпоху двух университетских кризисов — революции 1905–1907 годов и 1911 года (министерство Л. А. Кассо).

В эпоху революции Совет университета вполне осознанно принял серию мер, превративших университет, по словам генерал-губернатора Петербурга Д. Ф. Трепова, в арену «дерзкой и безнаказанной пропаганды революционных идей»[11]. Примечательно, что в этот период решения Совета университета (или его своеобразного президиума — Советской комиссии) в ряде случаев прямо корреспондировались с решениями Совета студенческих старост, находившегося под контролем социалистических сил. Совет старост, в частности,

организовывал проведение революционных манифестаций в стенах университета, которые к осени 1905-го после их официального разрешения Советской комиссией приняли общегородской характер: только за первый месяц после этого разрешения в университете происходит 15 революционных сходок с участием тысяч «посторонних лиц», прежде всего рабочих. Профессорский совет, по существу, согласился с тезисом, выдвинутым «младшими преподавателями», о том что университет имеет «громадное воспитательное значение в настоящем освободительном движении»[12], а это, разумеется, не вполне отвечало представлениям об университете как «храме науки». Университетские профессора не только поощряли студенческое движение, но и сами приняли активное участие в деятельности либеральной оппозиции — сначала Академического союза и Союза союзов, а затем, с октября 1905 года, кадетской партии. Во многом благодаря их позиции в качестве неотъемлемой части либеральной программы демократических преобразований был выдвинут лозунг «автономии высшей школы»[13]. Позиция Совета столичного университета сыграла не последнюю роль в достижении университетами принципиальной уступки со стороны МНП и верховной власти — указа 27 августа 1905 года о введении в действие новых правил управления университетами, предоставлявших профессорским советам фактическую автономию. Осенью 1905 года был сформирован тот механизм принятия корпоративных решений, который существовал до Первой мировой войны. Характеризуя его, следует отметить, что почти все существенные решения, принятые Профессорским советом в этот период, предлагались и предварительно подготавливались либо его выборными органами — так называемой Советской комиссией или иными комиссиями, созданными по отдельным вопросам, либо непосредственно выборными ректором или проректором университета. Выборы же ректора, проректора, во все комиссии Совета, а также в профессорский дисциплинарный суд проходили в два тура рейтинговым голосованием, и такая система всегда гарантировала занятие этих магистратур представителями большинства — так называемой «левой»[14], «отсекая» во втором туре «консервативных» или «нейтральных» профессоров.

И. И. Мечников, биолог, профессор, почётный академик. 1900-е гг.

После третьеиюньского переворота, в период с 1907 по 1915 год, шло активное наступление министерства на университетскую «автономию» и настоящая «война» между ним и Профессорским советом — «война», в которой использовались все средства: юридические, полицейские, административные. Особенно сложными для преподавательской корпорации выдались в этом смысле кризисы 1908, 1910 и 1911 годов, в ходе которых корпорация вынуждена была «сдавать позиции» министерству. Так, Профессорскому совету не удалось отстоять систему студенческого самоуправления, которое он пытался использовать в качестве инструмента для контроля над ситуацией в студенческой среде, и его влияние в ней существенно ослабло. Действительно, профессорская коллегия подвергалась в этот период давлению как со стороны революционно-настроенного студенчества, так и со стороны власти и пыталась лавировать между ними. Особенно тяжёлым был кризис 1911 года. Его начало связано с «ответом» нового министра Кассо и стоявшего за многими его действиями премьера П. А. Столыпина на антиправительственные акции в высшей школе — изданием репрессивных документов правительства и МНП в конце 1910 — начале 1911 года. Смысл их заключался прежде всего в возложении на руководство университетов и профессорские коллегии «всей тяжести ответственности» (согласно постановлению Совета министров от 11 января 1911 года) за возможные беспорядки в университетских стенах и в запрете всех студенческих собраний, исключая собрания научного и учебного характера, в высшей школе. Как и следовало ожидать, меры, предпринятые Кассо, преподавательское сообщество оценило крайне негативно. Реагируя на правительственные циркуляры, ректор Гримм в своём заявлении, сделанном в заседании Профессорского совета 17 января 1911 года, подчеркнул, что «нормальный ход учебной жизни не может быть построен на полицейских мерах», что требовать принятия их от Совета нельзя, что сами эти меры свидетельствуют о недоверии к Совету и его органам. Своим постановлением Совет единогласно выразил полную солидарность с заявлением ректора и просил довести его как мнение всего Совета до сведения министра просвещения. В определённой степени упомянутый документ (аналогичные заявления делались и советами других высших учебных заведений), конечно, мог способствовать началу студенческих беспорядков, проходивших с 20-х чисел января 1911 года. Вдохновлённый этими профессорскими заявлениями Петербургский городской студенческий коалиционный комитет 23 января принял решение о забастовке под вполне либеральными лозунгами: «Долой политический произвол! Требуем неприкосновенности личности, свободы слова, союзов, собраний!.. Требуем автономии высшей школы!»[15]

Поскольку, по мнению министерства, профессорские советы со своей задачей поддержания порядка не справились и, более того, как видно на примере Петербургского университета, отказались брать её выполнение на себя, а незаконные сходки в высших учебных заведениях продолжались, на территорию универси-

тетов были введены полицейские силы — без согласования с университетскими администрациями — и произведены массовые аресты студентов, принявших участие в забастовках. Как известно, в Московском университете возмущение профессоров этим положением переросло в масштабный конфликт с министерством, в ходе которого ушли в отставку или были уволены порядка 130 сотрудников университета, в том числе около 30 профессоров и около 80 приват-доцентов[16]. Такая резкая реакция московской профессорской корпорации была предсказуемой: многие её представители входили в руководство кадетской партии и не могли в сложившихся условиях оставаться на своих должностях, не дискредитируя партию. В этом смысле столичной профессуре было проще занять более взвешенную позицию. Вместо прямого разрыва с правительством Профессорский совет, сплотившийся вокруг ректора, выбрал иную тактику — пассивного сопротивления давлению министерства. Накануне неизбежного ввода в университет полиции Советская комиссия сперва попыталась закрыть университет[17], причём, согласно протоколу Совета, составленному не без скрытого злорадства, министр «узнал о закрытии университета из газет» и «недовольным тоном заявил ректору, что он не ожидал подобной меры… и что он пришлёт предложение об открытии университета»[18]. Тем не менее в итоге Профессорский совет получил передышку на три дня, в ходе которой смог заранее сформулировать свою позицию; её смысл заключался в том, что «придётся переломить себя и сделать попытку читать лекции, несмотря на присутствие в университете полиции», одновременно «стремясь по долгу совести смягчать меры» правительства, с которыми университет не согласен[19]. На частных совещаниях профессоров («левой группы») рассматривался вопрос о необходимости выступления в связи с отставкой администрации Московского университета. Однако, узнав, что отставка не только принята, но «отставленные» отстранены также и от должности профессоров, «левая» решила воздержаться от выражения официального протеста. Присутствие полиции не помешало студентам устраивать «обструкции»; всего в первый день

С. Ф. Платонов, профессор Петербургского университета, академик. 1913 г.

забастовки (31 января 1911 года) было арестовано 410 человек. В прокадетской газете «Русские ведомости» яркими красками описывалась ситуация, сложившаяся в университете: «Присутствие большого количества полицейских со штыками и винтовками вдоль длинных коридоров университета, профессора с группой студентов, конвоируемые вооруженными городовыми на лекции, свист, крики и пение революционных песен, пары удушливого газа, распространяющихся в коридорах и аудиториях»[20]. Естественно, что многие профессора такой обстановки не выдерживали: с Н. Я. Марром случился истерический припадок, А. А. Жиженко упал в глубокий обморок, а ректор Гримм просто заплакал и не смог читать лекцию. Попечитель граф А. А. Мусин-Пушкин в отчаянии предложил уволить из университета всех студентов.

После кризиса министр Кассо пытается исподволь поменять соотношение сил в Совете путём перевода в Петербургский университет консервативных профессоров из провинциальных высших учебных заведений и перевода петербургских либералов в провинцию (туда, разумеется, те отказывались ехать и оказывались отставленными от службы) и назначением в Петербург «консерваторов». Назначенные профессора сразу же подверглись бойкоту и обструкциям со стороны студентов, и большая часть занятий профессоров-назначенцев в весеннем полугодии 1911/1912 года оказалась попросту сорванной[21]. Администрация университета формально предпринимала усилия для успокоения студентов, например, ректор публично призывал студентов к спокойствию. Но в то же время профессорский дисциплинарный суд, избранный по списку «левой» фракции, признал студентов, задержанных полицией по обвинению в организации обструкции названным профессорам, невиновными[22]. При этом назначенные профессора сознательно ставились ректором в условия, когда им сначала запрещалось читать лекции только для записанных студентов, что создавало условия для обструкции, а затем предписывалось читать лекции в специальной аудитории вне университета (в здании университетского общежития коллегии Александра II) под охраной полиции, что делало их положение в университете унизительным[23].

В условиях нарастающего давления на профессуру политические разногласия между консерваторами и либералами отступили на второй план перед угрозой корпоративной автономии. В этой связи характерна бурная радость в семье того же профессора С. Ф. Платонова, представителя консервативной профессуры, возникшая только при слухах об отставке Кассо[24]. При этом нет сомнений в том, что в целом «левая» по-прежнему контролировала Профессорский совет и с точки зрения стратегии, и с точки зрения кадровой политики. Кадровые перестановки, сделанные на юридическом факультете, на соотношение голосов в Совете не повлияли, тем более что и в годы «реакции» 1911–1913 годов Совет пополнялся преимущественно либеральными профессорами, например, такими как византинист В. Н. Бенешевич и синолог А. И. Иванов. Можно утверждать, что после кризиса министерство и Университетский совет окончательно стали непримиримыми врагами, а столичный университет объективно оказался во главе «университетской фронды» во всероссийском масштабе. В этом качестве уже с февраля 1912-го уни-

Большой зал Императорской публичной библиотеки. Невский проспект, 37. 1905 г.

верситет начинает подготовку «судебной атаки» против действий министра, оспаривая правомерность его постановлений в Сенате, а назначаемые министром профессора подвергаются корпоративному бойкоту. Студенты, устраивающие обструкцию «назначенцам», получают нравственную поддержку администрации. «Покуда в студенчестве ещё сохраняется питаемое традиционными взглядами значительных общественных слоёв убеждение в том, что студенчество не только призвано, но чуть ли не нравственно обязано реагировать на события общественной и академической жизни, никакие предупредительные или карательные меры не устранят т. н. студенческих волнений», — заявлял по этому поводу ректор к письме в попечителю учебного округа[25].

В целом профессорской коллегии удалось благодаря приобретённому в год кризиса опыту провести «университетский корабль» почти неповреждённым через «годы реакции» и начать новый этап борьбы «за автономию» в эпоху «либерального» министра народного просвещения графа П. Н. Игнатьева (1915–1916). Другое дело, что в самом скором времени революционная волна сметёт весь традиционный уклад жизни российских «мандаринов»: в течение 1917–1922 годов «башня из слоновой кости», создававшаяся поколениями профессоров, будет до основания разрушена, а первый назначенный, а не выбранный коллегией ректор Петроградского университета Н. С. Державин, оправдывая практику назначения профессоров и доцентов властью, в пафосном стиле заявит о том, что в новых условиях сам лозунг «автономии» высшей школы является контрреволюционным[26].

Примечания

1. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество Германии, 1890–1933. М. 2008.
2. См.: Александров Д. А. Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные учёные//НЛО. 2002. № 53. С. 90–104.
3. Цит по: Егоров И. В. От монархии к Октябрю. Л. 1980. С. 125.
4. Вересаев В. В. В студенческие годы//Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. I: Петербургский университет. 1819–1895. Л. 1963. С. 202.
5. Цит по: Герд Л. А. В. Г. Васильевский: портрет учёного в свете его неизданной переписки// Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб. 1999. С. 67.
6. Крачковский И. Ю. Впервые оппонентом на диссертации// Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2: Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917. Л. 1982. С. 140.
7. Дневник Н. Н. Платоновой. 27 августа [1890 г.]//ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 10–11.
8. См.: Журнал заседания Совета Московского университета. 2 января 1906 г.//ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 1–2.
9. Гримм Э. Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава//Русская мысль. 1916. № 4. С. 111.
10. См.: Иванов А. Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX в.//История СССР. 1990. № 5. С. 64–66; Kassow S. D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley. 1989. P. 214–219.
11. Цит. по: Ленинградский университет в воспоминаниях современников… Т. 2. С. 190.
12. Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 15 октября 1905 г.//Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб. 1906. С. 141.
13. См.: Программа конституционно-демократической партии, выработанная учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г.//Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг. В 3-х т. М. 1997–2000. Т. 1: 1905–1907. С. 40.
14. См.: Кареев Н. И. Возвращение в университет//Ленинградский университет в воспоминаниях современников… Т. 2. С. 102.
15. Цит. по: Круглова З. С. Студенческая забастовка 1911 г. и её политическое значение//Учёные записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. История СССР. Вып. 8. Т. CXXXV. М. 1964. С. 35.
16. См., например: Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет// Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 17–18.
17. Ректор — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 27 января 1911 г.//РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 22.
18. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г.//Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб. 1913. С. 39–40. См.: Попечитель — ректору С.-Петербургского университета//РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 23–23 об.
19. Постановление Совета Императорского С.-Петербургского университета//РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 74.
20. Цит. по: Лейкина-Свирская В. Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо// Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 152.
21. Переписка о студенческих сходках и о лекциях профессоров университета// РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 10–10 об.
22. См.: Скандал на лекции профессора П. П. Мигулина//Русское слово. 1912. 24 января; Протокол заседания Профессорского дисциплинарного суда Императорского С.-Петербургского университета. 1912. Марта 3 дня//РИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 47. Л. 6–7 об.
23. См. переписку ректора с профессорами-назначенцами (РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 7–8, 9–12).
24. См.: Дневник Н. Н. Платоновой. 1 февраля [1914 г.]//ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694. Л. 1.
25. Ректор Санкт-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 25 января 1914 г.//РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10964. Л. 60.
26. Державин Н. С. Высшая школа и революция. М.; Пг. 1923. С. 38.